

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

Haruki MURAKAMI
SEKAI NO OWARI TO HĀDO-BOIRUDO WANDĀRANDO
Copyright © 1985 by Haruki Murakami

Перевод с японского *Дмитрия Коваленина*
Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Мураками, Харуки.
М91 Страна Чудес без тормозов и Конец Света / Харуки Мураками ; [перевод с японского Д. В. Коваленина]. — Москва : Эксмо, 2020. — 544 с.

ISBN 978-5-04-112349-9

...Все тени умирают в Городе. Иначе от них останется нежить, которая уходит в Лес. Именно там живут люди, которые не смогли до конца убить свою тень...

...Череп пропал еще в 42-м во время блокады Ленинграда, когда немцы разбомбили университет. Так исчезло единственное в мире доказательство существования единорогов...

...Читателю Снов нужен статус. Сейчас ты получишь его. — Страж Ворот оттягивает мне правое веко и протыкает зрачок острием ножа...

...Золотые единороги и тайны человеческого подполья, информационные технологии и особенности секса с ненасытными библиотекарями...

Самый загадочный и мистический роман Харуки Мураками.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Коваленин Д., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112349-9

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Роман, который вы держите сейчас в руках, я закончил в 1985 году. В его основе — небольшая повесть «Город с призрачной стеной» («Мата то соно футасикана кабэ»), написанная за пять лет до того. Повесть опубликовали в одном литературном журнале, но мне самому не очень понравилось, как я ее написал (если честно, у меня в то время не хватило мастерства придать хорошей задумке нужную форму), и поэтому я не стал заводить разговор об отдельном издании, не стал ничего переписывать, а просто отложил рукопись на потом. Чувствовал: придет время — и я к ней вернусь. Та сюжетная линия очень много значила для меня, и я долго искал в себе силы, чтобы переделать ее как надо.

Но как именно переделать? Ключевая идея никак не приходила в голову. Проблема ведь не в правке по мелочам, но в развороте угла зрения на сюжет в целом, а для такого разворота нужна принципиально новая идея. И вот четыре года спустя по какой-то случайности (сейчас уже и не помню, какой) она меня посетила. «Да-да, вот оно!» — подумал я, побежал к столу, сел и принялся за работу, которая заняла у меня около года.

Читая роман, вы заметите, что он состоит из двух отдельных историй — «Конец Света» и «Страна Чудес без тормозов». «Конец Света» написан по мотивам той самой повести «Город с призрачной стеной», а к ней добавлен сюжет «Страны Чудес без тормозов». Собственно, в этом и заключалась моя идея — создать нечто це-

лое из двух разных историй. Они происходят в совершенно разных местах и развиваются по различным канонам — но под конец органично сплетаются в одно целое. Каким образом они пересекаются и чем объединены — читателю не должно быть понятно, пока он не доберется до конца книги.

Загвоздка — и, уверяю вас, очень серьезная — состояла в том, что я и сам понятия не имел, как эти две истории увязать. Но решил не унывать. Я подумал: «Ладно, будь что будет!» — и начал сочинять на ходу (как вы, наверное, знаете, оптимизм — неотъемлемая часть писательской натуры). Я выстраивал эти сюжеты попеременно один из другого — и потихоньку двигался вперед. В итоге получилось, что все четные главы — это «Конец Света», а все нечетные — «Страна Чудес без тормозов». И сейчас, вспоминая все это, я понимаю, что для создания этих разных историй задействовал совершенно разные части себя.

Проще говоря, вполне возможно, что «Конец Света» я писал правым полушарием мозга, а «Страну Чудес» — левым. Или, скажем, наоборот; не важно. Так или иначе, я разделил свой мозг (сознание, если угодно) на две части и писал две разные истории. Должен признаться, ощущение было замечательное.

Например, сочиняя «Конец Света», я плавал в фантазиях своего «правого мозга». Там — очень тихий мир. В маленьком городе, обнесенном высокой стеной, все происходит размеренно и спокойно. Люди сдержанны, немногословны, звуки приглушены. В отличие от этого мира «Страна Чудес без тормозов» предельно активна. Там вы найдете и скорость, и насилие, и комизм ситуаций, и картины сумасшедших будней огромного мегаполиса. Этот мир существует в моем «левом мозгу». И вот так писать, постоянно ныряя то в один из этих миров, то в другой, для меня (или для механизма,

управляющего моим сознанием) — чрезвычайно уютное состояние. Когда мне сложно разобраться в себе, когда душа не на месте, я частенько подхожу к пианино и разучиваю инвенции Баха (правда, очень неумело). Я одинаково напрягаю пальцы обеих рук — и, казалось бы, простая физическая нагрузка помогает восстановить утерянное душевное равновесие: мне действительно становится легче. Сочинять то «Конец Света», то «Страну Чудес» мне было почти так же легко.

Так, день за днем, я продолжал напрягать обе половинки мозга, создавая два противоположных повествования. И постепенно между ними начала проступать некая взаимосвязь. Что-то из одной истории совершенно естественно стало просачиваться в другую, и наоборот. Процесс был очень радостным и захватывающим. В какой-то момент пришла уверенность: да, теперь все получится как надо, — и работать стало гораздо легче. Я просто сочинял каждый день по кусочку той и другой истории, полагаясь на собственное чутье. Верил, что они когда-нибудь непременно сольются в одно целое. И они соединились. Удачно или нет — судить вам.

Мы часто спрашиваем себя о душе. Примерно как у Антона Чехова в «Палате номер шесть» Андрей Ефимыч развлекает вопросами почтмейстера.

Существует ли душа? Конечно она или бесконечна? Исчезает она с нашей смертью — или все-таки *переживает* смерть и как-то существует дальше? Ответов на эти вопросы у меня нет — да и у Чехова, видимо, не было. Я лишь знаю наверняка, что у нас есть сознание. Оно существует внутри нашего тела. А снаружи этого тела существует совсем другой мир. Мы живем в постоянной зависимости как от внутреннего сознания, так и от внешнего мира. И эта двойная зависимость то и дело

заставляет нас болеть, страдать, ввергает нас в хаос и разрушает наше драгоценное «я».

Но я часто думаю: а разве мир вокруг не отражается в нашем сознании точно так же, как наше сознание отражается в мире? И разве здесь нельзя применить метафору двух зеркал, развернутых друг к другу и образующих две бесконечности?

Описание подобного видения (или, если угодно, понимание мироустройства) — мой постоянный мотив, но, пожалуй, именно в «Стране Чудес без тормозов» мне удалось выписать это наиболее внятно. В 1982 году я написал «Охоту на овец», свой первый настоящий роман, а три года спустя — «Страну Чудес без тормозов». К тому времени мне было тридцать шесть лет, и во мне впервые укрепилось ощущение: ну вот я и стал писателем. Мне хотелось рассказывать истории тем голосом, который я в себе открыл, и теми словами, которые во мне накопились. Впереди еще целых полжизни — можно грамотно расходовать силы и продолжать писать.

Мне очень приятно сознавать, что усилиями Дмитрия Коваленина столь важный для меня роман переведен на русский язык и такое уважаемое издательство, как «Эксмо», опубликовало его в России. От всего сердца желаю моим русским читателям получить удовольствие от этой книги.

Харуки Мураками
14 октября 2002 года

СТРАНА ЧУДЕС БЕЗ ТОРМОЗОВ

ЛИФТ. ТИШИНА. МАНЕРА ТОЛСТЕТЬ

Почему до сих пор светит солнце?
Почему не смолкают птицы?
Или они не знают,
Что конец света уже начался?

«Конец света»¹

Кабина лифта мучительно медленно двигалась вверх. Точнее, мне казалось, что вверх: убедиться в этом никакой возможности не было. На такой черепашьей скорости всякое движение пропадает. Может быть, лифт опускался. Может, вообще стоял. Только мне сейчас было удобнее думать, что он поднимается. Жалкая гипотеза. Никаких доказательств. Возможно, я уже проехал этажей двенадцать вверх и еще три вниз. А может, успел обернуться вокруг Земли. Неизвестно.

Что говорить: с этим лифтом и сравниться не мог подъемник моей многоэтажки, в техническом совершенстве не уступавший разве что колодезному вороту. Просто не верилось, что два настолько разных агрегата созданы для выполнения одной функции и одинаково называются. Слишком велика пропасть между мирами, где они появились на свет.

¹ «The End of the World» — песня американской группы «The Carpenters». (Здесь и далее — прим. перев.)

Прежде всего, *этот* лифт ошеломлял своими размерами. При желании здесь можно даже устроить офис небольшой фирмы. Расставить столы, шкафы, стеллажи, в углу оборудовать кухню — и все равно еще место останется. В этой громадине без особых проблем уместились бы три взрослых верблюда и средних размеров пальма.

Не меньше впечатляла и абсолютная чистота. Стерильная, как в свежевыстроганном гробу. На сверкающей стали — ни пылинки, ни пятнышка. На полу — дорогой зеленый ковер с ворсом по щиколотку.

Но особенно поражало отсутствие всякого звука. Не успел я войти, как двери плавно и с пугающим беззвучием (никак не иначе) закрылись у меня за спиной, и кабину затопила вязкая тишина. Поехал лифт или остался на месте — сам черт бы не разобрал. Глубокие реки неслышно текут.

Но и это еще не все. Меня окружали абсолютно голые стены. Ни панели управления, ни огоньков с номерами этажей, ни аварийной кнопки. Я почувствовал себя самой беспомощной тварью на Земле. Да что кнопка — не было ни табло с номерами этажей, ни предупреждения о максимально допустимой нагрузке, ни таблички фирмы-изготовителя. Не говоря уже о пожарном люке. Самый натуральный гроб. Готов поспорить, проверки на безопасность этот лифт не проходил. И никогда не прошел бы. В конце концов, должны же и у лифтов быть какие-то общие критерии...

Стоя столбом между четырьмя гладкими стальными стенками (абсолютно не за что ухватиться), я вспомнил кино о трюках Гарри Гудини¹, которое смотрел еще в детстве. Его связали по рукам и ногам, обмотали цепями и засунули в сундук, сундук обмотали другими це-

¹ Гарри Гудини (Эрих Вайсс, 1874—1926) — знаменитый американский фокусник венгерского происхождения. Особенно знаменит своими трюками освобождения.

пиями — и бросили в Ниагарский водопад. А может, в пучину Ледовитого океана... Я вздохнул поглубже и хладнокровно попытался сравнить свое положение с ситуацией Гудини. Мое преимущество в том, что руки-ноги у меня свободны. Козырь Гудини — он знал, как действовать.

Шутка ли — я даже не знаю, движется лифт или нет. Я негромко покашлял. Прозвучало странно. Меньше всего похоже на человеческий кашель. Точно комок глины шмякнулся о бетонную стену. Просто не верится, что мое тело способно издавать такие звуки. На всякий случай я кашлянул еще раз, но результат оказался тем же. И я решил больше не кашлять.

Очень долго я простоял, не двигаясь. Но сколько ни стоял, двери лифта не открывались, хоть тресни. Мы с лифтом застыли в пространстве столь безжизненно, что послужили бы идеальными моделями для натюрморта «Мужчина и лифт».

Я всерьез забеспокоился.

Может, он сломался? Или его диспетчер — представим, что существует такая должность, — забыл, что внутри есть я? Иногда ведь со мной бывает: кто-нибудь напрочь забывает о моем существовании. Так или иначе, результат налицо: я наглухо заперт в огромном сейфе из нержавеющей стали. Я вслушался в тишину, но не уловил ни звука. Прижал ухо к стенке — никакого эффекта, лишь на зеркальной панели остался белый отпечаток. Очень похоже, что этот железный ящик сконструировали так, чтобы он поглощал любые звуки. Для проверки я попытался насвистеть припев «Дэннибой»¹, но у меня получился скорее хрип собаки с затяжной пневмонией.

¹ «Дэннибой» — лирическая песня американского поэта Фредерика Уэзерли (1848—1929) о герое, погибшем в войне за свободу Ирландии. Написана в 1913 г.

Делать нечего — я прислонился к стенке и стал убивать время, пересчитывая мелочь в карманах. Хотя для человека моей профессии это не столько убивание времени, сколько шлифовка практических навыков. Примерно как для боксера — регулярное поколачивание груши. Строго говоря, вовсе и не убивание времени. Ведь только повторяя одно действие много раз, мы можем восстановить свое внутреннее равновесие.

Как бы то ни было, я всегда стараюсь носить в карманах побольше мелочи. В правый карман кладу монетки в сто и пятьсот иен, в левый — по пятьдесят и по десять. Одноиеновые и пятииеновые прячу в задний карман и в расчет не беру. Просто засовываю руки в карманы и считаю: правой рукой — монетки в сто и пятьсот иен, левой — в пятьдесят и десять.

Тому, кто никогда не пробовал так считать, наверное, трудно представить это занятие, для новичка нелегкое. Правое полушарие мозга считает свое, левое — свое, а результаты складываешь, как две половинки арбуза. Пока не привыкнешь, выходит не очень удачно.

Хотя, если быть точным, я не знаю, работает ли мозг отдельно левым и правым полушарием. Возможно, нейрохирург употребил бы здесь более вразумительные формулировки. Но я ничего не смыслю в нейрохирургии, и мне действительно кажется, что для таких параллельных подсчетов я задействую каждое полушарие в отдельности. Во всяком случае, от подобной процедуры я устаю гораздо сильнее, чем обычно. А все потому, что я для удобства привык считать, будто правое полушарие у меня занимается правым карманом, а левое — левым.

То есть я действительно воспринимаю вещи, события и людей вокруг так, как мне удобнее. Это вовсе не значит, что для окружающих удобен мой собственный характер (хотя, признаться, не без этого). Просто окружающий мир слишком часто подтверждает странное

правило: чем давать вещам объективную оценку, лучше воспринимать их, как тебе удобно, — и приблизиться к истинному пониманию этих вещей.

Вот, скажем, был бы я убежден, что Земля — не шар, а нечто вроде гигантского кофейного столика. Разве в повседневной жизни я бы испытывал из-за этого какие-то неудобства? Конечно, такой пример — крайность; нельзя так просто подстраивать под себя все, что хочешь. Но факт остается фактом. *Удобное* заблуждение: Земля — кофейный столик кладет на лопатки объективную истину: Земля — круглая, вместе со всеми ее неудобствами — гравитацией, часовыми поясами, экватором и прочими бесполезными в практической жизни вещами. Ну в самом деле, сколько раз на своем веку обычный человек *жизненно* зависит от того, что он знает слово «экватор»?

Вот поэтому я и стараюсь, по мере сил, глядеть на мир с точки зрения простого удобства. Моя философия в том, что на белом свете существует огромное — а точнее, бесконечное — число возможностей. И *выбор* этих возможностей в значительной степени предоставлен людям, населяющим этот мир. Иначе говоря, мир — кофейный столик, изготовленный из хорошенько сконденсированных возможностей.

Так вот, пересчитывать мелочь в обоих карманах сразу — занятие весьма непростое. Я сам потратил кучу времени, пока не наловчился. Зато когда набьешь руку, навык уже так просто не исчезает. Это как плавать или ездить на велосипеде, хотя, конечно, и там без тренировки нельзя. Иначе вообще невозможно развивать какие-то способности и совершенствовать их. Вот почему я всегда стараюсь носить в карманах побольше мелочи и пересчитываю ее, как только выдается свободная минута.

Итак, сейчас у меня в карманах — три монеты в пятьсот иен, восемнадцать монет в сто иен, семь монеток по пятьдесят и шестнадцать по десять. Итого — три

тысячи восемьсот десять иен. При подсчете не запнулся ни разу. Такие смешные суммы пересчитывать проще, чем пальцы на руках. Довольный итогом, я прислонился к стенке и уставился на двери лифта. Как и прежде — закрытые.

Почему они так долго не открываются, я не знал. Но, поразмыслив, пришел к выводу, что версия о неисправности лифта, как и версия о забывшем про меня диспетчере, отпадает. Слишком уж все это нереально. Конечно, я не хочу сказать, что в реальности лифты никогда не ломаются, а диспетчеры всегда предельно внимательны. Напротив, я прекрасно знаю: так бывает сплошь и рядом. Я всего лишь хочу сказать, что в нестандартной реальности (а ничем иным этот идиотский саркофаг не назовешь) как раз то, что не имеет ни малейших особенностей, для удобства иногда стоит воспринимать как некий уникальный парадокс. В самом деле, обычные люди, которые не содержат лифты в исправности, сажают в кабины пассажиров и забывают о них, — разве стали бы такие люди сооружать *настолько* странный лифт?

Разумеется, нет.

Так не бывает.

Слишком уж напряженно, придирчиво и обстоятельно они вели себя со мной до сих пор. Будто измеряя линейкой длину каждого моего шага, изучали до мельчайших деталей все, что связано с моим появлением. Не успел я войти в здание, как охранники остановили меня, спросили о цели визита, отыскиали мое имя в списке посетителей, заглянули в мои водительские права, перепроверили мою личность в базе данных Центрального Компьютера, с ног до головы оцупали меня металлоискателями — и лишь потом зачихнули в этот проклятый лифт. Так жестко не проверяют даже на экскурсии в Монетный двор. Тем труднее представить, что теперь вся их подозрительность вдруг улетучилась.

Вероятнее всего, они делают это сознательно. Чтобы я не чувствовал движения лифта. Специально пускают его с такой черепашной скоростью, чтоб я даже не знал, куда еду — вверх или вниз. Небось еще и телекамера где-нибудь встроена. В будке охранников на проходной мерцали экраны — с десятков мониторов, не меньше. Ничего удивительного, если один показывает, что происходит в лифте.

От нечего делать я решил было поискать глазок телекамеры, но вовремя спохватился. Ну, допустим, отыщу я его — и что дальше? Только выдам себя наблюдателям: вот догадался, что вы за мною подсматриваете. А они в ответ, чего доброго, пустят лифт еще медленнее. Увольте. Я и так не успеваю ко времени, которое сам назначил.

И я решил просто ждать, не делая ничего особенного. В конце концов, я пришел сюда, чтобы выполнить заказ и уйти. Мне нечего бояться и незачем напрягаться.

Я прислонился к стене, сунул руки в карманы и еще раз пересчитал мелочь. Три тысячи семьсот пятьдесят иен. Сосчиталось без сучка без задоринки. Раз — и готово...

Три тысячи семьсот пятьдесят?!

Подсчет неверен.

Я где-то ошибся.

У меня вспотели ладони. За последние три года, пересчитывая мелочь в карманах, я не ошибся ни разу. Это не просто ошибка. Как ни верти, дурное предзнаменование. И пока оно не разродилось явным несчастьем, я должен отвоевать утраченные позиции.

Я закрыл глаза и тщательно, словно протирая линзы очков, опустошил сначала правое, потом левое полушарие мозга. Затем вынул руки из карманов и помахал ими в воздухе, чтобы просохли ладони. В общем, подготовился кропотливо и тщательно — как Генри Фонда в